

В ТРЕВОЖНЫЕ ДАВЛИ

На соискание
Государственной премии СССР

... М НЕ вспоминается осень 1948 года. Мы с Афанасием Лазаревичем Коптеловым больше недели мотаемся на перекладных по югу Красноярского края, знаменитой Минусинской котловине. За всю наряду с Алтаем укоренилась слава пионера устойчивого сибирского садоводства. Богата Минусинская котловина и арбузами, дынями, фантастически крупными и вкусными помидорами, репчатым луком. Цель нашей поездки: познакомиться с людьми-чудодеями, мастерами этих богатых урожаев. Коптелов давно занимается проблемами сибирского яблони, и дома, в Новосибирске, у него лежит почти совсем готовая рукопись романа «Сад».

Путь наш лежит через Шушенское. Времени в обрез. Но мы задерживаемся на три дня. Уезжать неохота. И все дни проводим то в избе, где отбыл сибирскую ссылку В. И. Ленин, то бродим по сухим, пыльным улицам села, высказывая особо выразительный их старинный облик, выходим к речке Шушь, где на коньках любил кататься Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, стоим подолгу на берегу Енисея. И кажется нам, что «в одну и ту же реку вступаем дважды» — возвращаем время назад. Затем мы уходим на Журавлиную горку и еще дальше — на озеро Перово. Все это любимые места прогулок Ильича. Но прогулок не праздных, а помогающих своей уединенностью работе его творческой мысли, проникающей в тревожные дали предстоящих революционных бурь.

... Три дня мы живем в Шушенском в особо приподнятой атмосфере, наполненной к тому же и рассказами людей, еще достаточно хорошо помнящих Владимира Ильича и во всяком случае отлично знающих реалии того времени. И каждый вечер, и каждое раннее утро Коптелов подолгу сидит за столом, записывая в блокнот свои впечатления и наблюдения.

Об этом я сейчас рассказываю потому, что уж мне-то хорошо известно: к работе над своей трилогией А. Коптелов приступил именно тогда. Может быть, еще и безотчетно, не представляя, во что конкретно выльется творческий замысел. Ей посвятил он по сути дела тридцать лет жизни. И упорного, кропотливого труда в части накопления материала. Тру-

да серьезного, целеустремленного, соединенного с научной добросовестностью в высшей степени.

Широкий масштаб коптеловского замысла. Неторопливый его разворот. Если на первых страницах «Большого зачина» мы встречаемся с Владимиром Ульяновым, сдушим в Минусинскую ссылку и обдумывающим пути создания крепкой боевой революционной организации, то в «Точке опоры», — на мой взгляд, лучшем из романов трилогии — мы встречаемся с Владимиром Ильичем накануне грозных событий 1905 года, где РСДРП предстает уже как реальная и могучая сила в предстоящих схватках с самодержавием. В двух томах «Точки опоры» А. Коптелов тщательно выписывает картину создания ленинской «Искры» и ее верно и последовательно вплоть до II съезда РСДРП и последующих событий, когда она — «Искра» — оказалась захваченной меньшевиками.

Показывая, как рождалась и развивалась эта важнейшая для судеб рабочего движения газета, А. Коптелов с присущим ему мастерством сочетает человеческие взаимоотношения с острой идейной внутрипартийной борьбой.

В конце романа стоит авторская помета: «1967—1977». Десять лет творческого труда отдано одной книге. Но «Точка опоры» является завершением трилогии, в которую вошли еще романы «Большой зачин» и «Возгорится пламя», и на «Большом зачине» стоит своя помета, свидетельствующая о начале работы над ним, иначе говоря — над всей трилогией: 1961-й год. Казалось бы, уже не десять, а по меньшей мере шестнадцать лет писатель А. Коптелов жил, наполненный одной думой, прослеживал внимательным художническим взглядом жизненные пути избранных героев. И прежде всего В. И. Ленина и Н. К. Крупской.

В своей излюбленной манере неторопливого спокойного письма А. Коптелов раскрывает читателю и внутренний мир героев романа, кстати, все время находящихся в движении, в том вихре опасной подпольной работы, которая бросает их по белу свету, подчас приняв тяжелые страдания при вынужденном расставании с близкими людьми.

К примеру, сколько раз на протяжении всего лишь пяти лет приходится перемещаться из одной страны в другую Владимиру Ильичу с Надеждой Константиновной, сохраняя — и то далеко не всегда — только конспиративную письменную связь с родными! Чего вообще в их жизни — всей семье Ульяновых — было больше: радостных встреч или грустных расставаний? Но разве не сглаживает одна большая радость многократно их посещавшие горе? Вспомним бесчисленные аресты, когда Марии Александровне для своих детей приходилось готовить узелки с тюремными передачами и по три сразу. Коптелов умеет рассказывать об этом сдержанно, мягко, хотя, конечно, и драматически напряженно.

Но жестким делается его перо, когда речь заходит о столкновениях Ленина со своими противниками. При этом чувство времени не изменяет Коптелову. Отношения Владимира Ильича с Плехановым, Мартовым, Потресовым, Аксельродом в начальных главах романа рисуются добрыми, основанными на общих целях. Автор не забегает вперед, чтобы отдельными намеками или колочими словечками дать читателю уже заранее почувствовать, что эти союзники Ленина в решающий момент ему изменят. Коптелов это делает лишь в тех случаях, когда неуемная логика развития событий обязывает открыть их подлинные лица: Мартова — политического карьериста, Плеханова — закостеневшего в своем величии.

Роман А. Коптелова построен так, что в нем не выдвигается как доминирующая, некая одна сюжетная линия, связанная с узким кругом определенных персонажей. Главным героем романа — партией, как раз и являющаяся той «точкой опоры», подражая которую и перефразируя Архимеда, В. И. Ленин писал: «...дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»

В этом смысле наряду с семьей Ульяновых, составной частью организации революционеров, «точки опоры», А. Коптелов ярко и убеждающе показывает и А. М. Горького с М. Ф. Андреевой, и Кржижановских, и Лепешинских, и Баумана, и Ленника, и Бабушкина, и Курнатовского, и сестер Окуловых. В близком ряду к ним стоят Калмыкова, Вера Кожевникова, «Димка» Смилович.

Все эти люди так или иначе вносили свой вклад в великое дело освобождения народа от тяжкого ига самодержавной власти. И оттого, что о них сказано не вскользь, а с теми художественными подробностями, которые воссоздают и внешний облик человека, и раскрывают его внутренний мир, книга приобретает особую цельность, она при всей «многонаселенности» не разбегается на отдельные ручейки, а, наоборот, их стягивает, соединяет в широкую реку единого и значительного по мысли повествования.

Об истоках и начальных этапах развития ленинской стратегии пролетарской революции А. Коптелов обстоятельно рассказал в романах «Большой зачин» и «Возгорится пламя». В «Точке опоры» он с еще большей обстоятельностью (добавим, и с большим мастерством) знакомит читателей с чрезвычайно сложной политической обстановкой в царской России на рубеже XIX и XX веков, когда, с одной стороны, быстро

развивающаяся промышленность энергично формировала и готовый к борьбе за свои права рабочий класс, а с другой стороны, на этот формирующийся рабочий класс усиливало свое давление полицейское государство.

И здесь Коптелов выводит на сцену как некие зловещие символы четыре исторические фигуры, изо всех сил стремящиеся спасти обреченный на гибель самодержавный строй.

Это Зубатов, начальник московской охраны, мрачный «гений» тайного сыска и провокаторства, автор известной затеи с организацией «рабочих обществ взаимного вспомоществования», обернувшейся впоследствии как раз против него самого, его личной карьеры; человек, наделенный недюжинным умом, но оказавшийся все-таки неспособным понять простую истину: остановить движущуюся лавину народного гнева и недовольства пустыми фразами, и даже тюрьмой, и каторгой уже невозможно.

Это генерал Новицкий, высокопоставленный жандарм, в отличие от Зубатова действующий в открытую, жестоко и беспощадно.

Это «Мамочка», Анна Егоровна Серебрякова, порождение зубатовской «школы» и его, Зубатова, вернейший помощник в самых темных делах подлого провокаторства, на черной совете которой лежит не один десяток загубленных жизней самых деятельных революционеров.

Это, наконец, Слепов. Рабочий. Из числа недалеких, забытых. Но так обработанный и купленный Зубатовым, что сначала, испуганный внезапным арестом, а потом подавшись на льстивые слова начальника охраны о беспредельной доброте царя-самодержца, стал и сам яростным пропагандистом зубатовских бредней о гармоничности сочетания рабочих интересов с верноподданническим служением престолу.

Велик был соблазн изобра-

зить эту темную действительность в наиболее резких тонах, следуя ходячему мнению, что негативные явления жизни требуют именно таких густых красок, сильного нажима. Но Коптелов решает задачу тонким пером художника, и оттого картины разгула реакции, написанные им, особенно врезаются в память. Иногда, правда, чтобы избежать возможных упреков в объективизме, он как бы «предсказывает» судьбы человеческие и события, что вернется впоследствии за временными рамками романа, но это и хорошо, ибо, не разрушая строгой историчности книги, автор устраняет читательские сомнения в правильности политической оценки тех или иных личностей, известных достаточно широко.

Весь роман А. Коптелова написан на свободном дыхании. Он щедр на описания местности, интерьера. И вместе с тем эти описания сами по себе немногословны. Просто велик их круг. Ведь действие романа то и дело перемещается из одного края земли в другой. Петербург, Москва, Киев, Томск, Прага, Мюнхен, Лондон, Швейцарские Альпы — и для всего А. Коптелов находит свежие краски, создает живописный фон, ассоциативно усиливающий идейное звучание книги.

Огромны и круг персонажей романа. Но Коптелов умеет каждого из них охарактеризовать хотя бы двумя-тремя меткими фразами, представлять читателю зримо.

Язык романа строг и чист. Он точно, в меру вбирает в себя речения, свойственные изображаемому времени. И это делает книгу художественно еще более цельной и достоверной.

Перевернута последняя страница. И вновь думаешь: да, какую же огромную работу проделал писатель, чтобы из безбрежного океана архивных документов, мемуарной литературы и личных воспоминаний непосредственных участников событий того времени выбрать самое существенное и силой своего таланта воплотить в живые, волнующие современного читателя образы пламенных борцов революции!

Эта работа Афанасия Лазаревича Коптелова заслуживает глубокого уважения и высокой оценки.

Сергей САРТАКОВ.